

Геологическое III – поселение бронзового века (материалы раскопов I–III, V)

С. Ф. Кокшаров

*Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург, Российская Федерация,
serg.koksharov@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: с 1980-х гг. в археологическом изучении севера Западной Сибири отмечается дисбаланс между количеством раскопочных работ и публикацией полученных материалов. Это обусловлено длительностью подготовки новых источников к печати и необходимостью их осмысления. Предлагаемое исследование, отчасти, преодолевает обозначенный разрыв.

Цель: цель работы состоит в подробном введении в научный оборот материалов бронзового века с поселения Геологическое III, одного из наиболее полно изученных на севере Западной Сибири, отражающих промысловую деятельность и её локальные особенности, а также обменные процессы древнего сибирского населения верховий рек Малая Сосьва, Тавда и Конда.

Материалы исследования: представлены остатками 7 сооружений бронзового века, 5 из которых рассмотрены в предлагаемой работе. С жилищами связаны коллекция керамики полымьятского типа, оригинальные литейные формы, изделия из металла, каменный инвентарь и кости животных. В статье дана характеристика обнаруженных объектов и находок, рассмотрены их аналоги, позволяющие датировать изученный комплекс.

Результаты и научная новизна: стратиграфические ситуации и распределение находок свидетельствуют о постепенной застройке берега от его края в глубину террасы. Топография памятника и состав вещей позволяют интерпретировать поселение как сезонный промысловый лагерь таёжных охотников и рыболовов. Кроме основных занятий обитатели посёлка добывали и обрабатывали каменное сырьё из местных галечников, знали несложные приёмы литья металла в открытые формы, лепили керамику по технологиям гончаров Южного Урала. Несмотря на удалённость от магистральных рр. Иртыш и Обь, местное население поддерживало многоступенчатые обменные связи с соседями, от которых получало медные и бронзовые орудия. С другой стороны, бытовая посуда отражает локальную специфику поздних полымьятских поселений. Это объясняется сильным влиянием северных популяций, оставивших сартыньинскую культуру Нижнего Приобья и арктические памятники типа вары-хадыта. Не исключено, что они проникали в истоки Конды преодолевая водоразделы.

Ключевые слова: север Западной Сибири, река Конда, поселение, жилище, полымьятский тип керамики, каменные орудия, литейные формы.

Автор выражает *благодарности* сотруднику Института археологии РАН, к.и.н. С. В. Кузьминых за предоставленные результаты химического анализа металла и сотруднику Института экологии растений и животных УрО РАН, к.и.н. П. А. Косинцеву за определение археозоологических остатков.

Работа выполнена по программе УрО РАН № 18-6-6-15 «Археологические памятники как источники по реконструкции развития древних обществ Урала и севера Западной Сибири», рук. д.и.н. А. Ф. Шорин.

Для цитирования: Кокшаров С. Ф. Геологическое III – поселение бронзового века (материалы раскопов I–III, V) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 338–355.

Geologicheskoe III – the settlement of the Bronze Age (the materials of excavations I–III, V)

S. F. Koksharov

*The Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Science,
Ekaterinburg, Russian Federation,
serg.koksharov@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: since the 1980s in the archaeological study of the North of the Western Siberia an imbalance between the number of excavations and the publication of the obtained materials was fixed. It was determined by duration of preparation of new sources for the publication and the need of comprehension. The conducted research partly overcomes this identified gap.

Objective: to publish the materials of the Bronze Age from the settlement Geologicheskoye III, one of the most fully studied the North of Western Siberia. It is situated in Sovetsky District of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. The rivers Malaya Sosva, Tavda and Konda are located in this part of the Northern Sosva Upland.

Research materials: are presented by the remnants of seven constructions of the Bronze Age, five of which are studied in this research work. Collection of ceramics of the Polymyat type, original molds, metal products, stone tools and animal bones are related to the dwellings. The article gives the characteristic of the found objects and findings; considers their analogs, allowing dating the researched complex.

Results and novelty of the research: stratigraphic situations and distribution of the findings indicate about gradual building of the bank from its edge to the remotest part. The topography of the site and the content of the artifacts allow interpreting the settlement as a seasonal hunting camp of the taiga hunters and fishers. In addition to the main occupations the inhabitants of the settlement mined and processed stone raw material from local gravel; knew the simple techniques of metal casting in open molds; molded ceramics on technology of potters of the Southern Urals. Despite the remoteness from the main rivers Irtysh and Ob, the local population supported the multi-stage exchange of communication with the neighbors and received copper and bronze tools from them. On the other hand, a household utensil reflects the local specifics of the late Polymyat settlements. This is due to the strong influence of the Northern populations which left the Sartynya Culture of the Lower Ob Region River and the Arctic sites of Vary-Khadyta type. There is a possibility that they penetrated into the sources of the Konda River overcoming the watersheds.

Key words: the North of Western Siberia, the Konda River, settlement, dwelling, Polymyat type of ceramics, stone tools, molds.

Acknowledgments: the author expresses gratitude to S. V. Kuzminykh, Candidate of Historical Sciences, the employee of the Institute of Archeology of the RAS, for the provided results of chemical analysis of metal and to A. Kosintsev, Candidate of Historical Sciences, the employee of the Institute of Ecology of plants and animals of the Ural Branch of the RAS, for identification of archaeozoological remains.

The work was made under the Program of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences no. 18-6-6-15 «Archaeological sites as sources for reconstruction of development of the ancient societies of the Urals and the North of West Siberia»; the Head of the Program is A. F. Shorin, Doctor of Historical Sciences.

For citation: Koksharov S. F. Geologicheskoye III – the settlement of the Bronze Age (the materials of excavations I–III, V) // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2018; 8(2): 338–355.

Введение

Геологическое III – одно из самых крупных исследованных поселений на севере Западной Сибири. Оно расположено на правом берегу р. Эсс, в истоках Конды, в 10 км к СЗ от г. Югорска Советского района ХМАО – Югры Тюменской области (рис. 1А). В 1980-х гг. оно исследовалось 7 раскопами, в которых обнаружены древности мезолита – раннего железного века (рис. 1Б). Мезолитические материалы из раскопов III–V опубликованы полностью [19, 109–127], а из раскопа VII лишь частично, в виде предварительного сообщения [2, 26–29, рис. 2, 1]. Разновременные энеолитические коллекции из раскопов III–IV представлены в соответствующих параграфах тематической монографии [13]. Исчерпывающая информа-

ция по полымьятским комплексам бронзового века из раскопа IV приведена в одной из статей автора [9, 75–90]. Объекты и керамика раннего железного века, открытые в раскопе VI, опубликованы Ю. П. Чемякиным [30, 208–213].

В предлагаемой работе обобщены материалы раскопов I–III, V, где обнаружены остатки 5 жилищ с поздней керамикой полымьятского типа и сопутствующие ей находки, которые демонстрируют особенности материальной культуры таёжных рыболовов и охотников в начале II тыс. до н.э.

Материалы и методы

Характеристика выявленных объектов

Котлованы поздних полымьятских жилищ расположены преимущественно в глубине

берега и ориентированы с незначительными отклонениями по линии СЗ–ЮВ (рис. 1В). Интервал между постройками 1, 3–4 (раскопы I–II, V) составляет 4,2–5,8 м, они выстроены в один ряд, вытянутый с ССВ на ЮЮЗ. В ту же линию встраивается яма с поздней полымьятской керамикой, выкопанная в раннеполымьятском сооружении раскопа III. Вероятно, часть построек бронзового века осталась за пределами раскопанной части памятника и по мере дальнейших раскопок планиграфия последнего будет корректироваться. Остановимся на рассмотрении объектов, выявленных в каждом из раскопов.

В раскопе I¹ исследовано жилище 1 с углублённым до 0,3 м основанием в форме 6-угольника. Площадь понижения ~48,9 м², оно ориентировано в направлении ССЗ–ЮЮВ. По мнению В. М. Морозова, со всех сторон кроме восточной, где мог располагаться выход, над полом возвышались земляные нары. Земляной пол посыпался охрой. В центре помещения располагались остатки очага в виде линзы бурой супеси размером 1,2 × 1,1 × 0,2–0,35 м.

Находки распределены по сооружению относительно равномерно. Концентрация материала отмечена лишь в двух местах: в юго-восточной части раскопа и вокруг внешнего очага у восточной стенки жилища. Внутри постройки обращает на себя внимание скопление находок вокруг валуна у западной стенки объекта. Одна из плоскостей этого камня использовалась в качестве абразива.

С жилищем связаны фрагменты 17 сосудов (рис. 2, 2–3, 5, 8–12, 14–16), изделия из камня и лезвие бронзового асимметричного ножа (рис. 3, 15).

В раскопе II исследовано жилище 4, имевшее подчетырёхугольный котлован, ориентированный по линии ССЗ–ЮЮВ, размером 5,4 × 5 × 0,3–0,6 м. Неровный пол посыпан охрой. Почти в центре постройки отмечено очажное пятно подчетырёхугольной формы, вытянутое по оси СЗ–ЮВ, размером 1,4 × 0,8 × 0,4 (?) м. Внутри котлована зафиксированы 8 ямок от столбов и две ямы.

Керамика и кварцевые отщепы концентрируются в южной половине сооружения и у ЮВ угла. Из раскопа происходят фрагменты 9 разновременных полымьятских сосудов (рис. 2, 1, 4, 6–7, 13).

В юго-восточной части раскопа III прослежено жилище 5. На ур. –70 см оно имело подпрямоугольный котлован размером 6,6 × 5,6 м, ориентированный по линии СВ–ЮЗ. Он выкопан над западением, возникшим на месте мезолитической постройки [19, 120, рис. 5]. На ур. –90 см котлован сократился в размере до 4,3 × 4 м. В его пределах отмечены остатки очага в виде пятна бурой супеси, ориентированного по линии СЗ–ЮВ, размером 1,06 × 0,68 × 0,16 м. Фрагменты и развалы сосудов (13 экз., рис. 4–5) залегали преимущественно в центре котлована и его юго-восточном углу.

В раскопе III зафиксирован факт разрушения раннеполымьятского сооружения ямой с поздней полымьятской керамикой и обломками сосудов типа вары-хадыта.

В межжилищном пространстве найдены обломки односторонней литейной формы (рис. 3, 19) и фрагменты кованого медного стержня.

Раскопом V изучены жилища 2–3 и ямы, открытые на межжилищном пространстве.

Жилище 2 имело округло-подпрямоугольный котлован размером 6,9 × 5,9 × 0,1–0,2 м, ориентированный по линии ССЗ–ЮЮВ. В нём обнаружены очаг, две хозяйственные (?) ямы, 5 ямок от столбов. В понижениях пола имеются пятна охры. Подквадратное очажное пятно имело размер 1,2 × 1 × 0,19 м. В заполнении одной из центральных ям, а также вокруг неё найдено ~10 предметов из качественного кремня и развал невысокой плоскодонной чаши с оформленным сливом. С пола объекта происходят бытовая керамика (рис. 6, 1, 3–9) и почти половина литейной формы (рис. 3, 16).

Жилище 3 наземное, его пол углублён на 0,15 м по отношению к погребённой почве. Его основание помещено в подпрямоугольное углубление размером 5,4 × 4,3 м, ориентированное в направлении ССЗ–ЮЮВ. Выход из помещения, зафиксированный в СЗ стенке сооружения, обращён к жилищу 2. В пределах сооружения отмечены очаг, две ямы неясного назначения и две ямки от столбов. Бурое очажное пятно имеет подпрямоугольную в плане форму, его размер 0,84 × 0,66 × 0,2 м. Находки представлены поздней полымьятской керамикой (рис. 6, 2, 8–9) и изделиями из камня. Встречаемость одних сосудов в жилищах 2–3 указывает на синхронность последних.

¹ Раскопы I–II заложены В. М. Морозовым в 1985 г. [24].

Кроме того, нижняя часть крупной банки (рис. 6, 9) была вкопана в раннее полымьятское жилище в раскопе IV [9, 79, рис. 2, 10].

В межжилищном пространстве раскопа V обнаружена яма VIII, заполненная костями северного оленя², керамикой и каменными предметами.

Характеристика вещевого материала

Находки разделены на изделия из глины, металла и камня.

Изделия из глины представлены бытовой посудой полымьятского типа³, технологической керамикой и рыболовными грузилами.

Поздняя полымьятская керамика включает развалы и фрагменты от 95 сосудов, из которых 92 учтены при характеристике морфологических особенностей. Её можно разделить на стандартную и индивидуальную.

Первая группа представлена плоскодонными банками с прямыми стенками, открытыми и закрытыми ёмкостями (соотв. 25, 21 и 13 экз.). Полные параметры установлены в 8 случаях. Диаметр по венчику установлен у 19 ёмкостей, он превышает высоту сосудов или равен ей, исключения – единичны. Показатель варьирует в интервале 14–41,4 см (среднее значение 26,2 см). Соотношение малых и крупных сосудов почти равное (9 и 10).

Индивидуальные ёмкости (15 экз., или 16,3%) нередко фрагментированы (рис. 2, 9, 12; 4, 3). Среди них встречены овальные ладьи (2), ладьи с усечённой кормой (3), прямоугольные (5) и небольшие чаши (6).

Лепка велась ленточным способом, внахлёст. 7 сосудов (7,6%), формовались на основе в виде опрокинутых горшков (рис. 2, 14; 4, 6; 6, 4, 8–9). На это указывает негатив орнамента от шаблона, проступивший внутри донной части. Доминирующая добавка в глиняном тесте – шамот. В выборке из 87 сосудов он отмечен в 43 случаях (45,7%). Очень вариативны замесы с дресвой, присутствующей в 37,1% сосудов. Она представлена кварцевой галькой (6,4%) и дроблёной зернистой породой, напоминающей гранит (18%). Эти фракции могут содержаться в одном тесте с шамотом и песком. Редко отмечены кусочки охры. Внешние стенки сосудов заглажены до лощения, а изнутри видна затирка грубым шпателем.

Венчики имеют преимущественно плоский срез или округлую форму. Плоские венчики чаще всего скошены наружу. Приостренные края встречаются редко. Некоторые горловины имеют волнообразное оформление (рис. 4, 1). В жилище 2 найдена оригинальная невысокая чаша с носиком-сливом, внешняя стенка которого служила абразивом.

Плотный орнамент покрывает боковые стенки сосудов, заходит нередко на венчики и днища. В одном случае украшена вся внутренняя сторона небольшой чаши: это пересекающиеся под прямым углом линии, доходящие до венчика. В центре креста, расположенного на дне ёмкости, находится квадрат, от углов которого к внутренней стороне венчика восходят четыре луча (рис. 5, 6А). Декорирование велось гребенчатыми штампами с различной нарезкой зубцов в технике печати и концом палочки, оставляющей глубокие ямки. Ямочные вдавления отсутствуют на небольших чашках. Частота встречаемости узоров из ямок составляет 18,6%. Здесь почти не отмечены отпечатки «шагающей» гребёнки, характерные для синхронных комплексов Нижней Конды (рис. 2, 7) и ранней полымьятской посуды. На 5 сосудах есть желобки (рис. 2, 3; 4, 4, 5, 9), а на двух ёмкостях – оттиски в виде змейки.

Для орнамента характерна зональность: выделяются венчик, зона под венчиком снаружи сосудов, тулово, придонная часть, днище.

На венчики нанесены разнонаклонные пояски штампов, хотя нередко декор здесь отсутствует. В зонах под венчиком и на тулове сосудов обращают на себя внимание бордюры в виде лент при небольшом количестве монотонных узоров. Они придают посуде нарядность и неповторимость, что кардинально отличает её от предшествующих и последующих по времени керамических комплексов.

Ленты могут быть одинарными и двояными, как прямыми, так и в виде зигзагов (рис. 2, 4–5, 9, 12, 14; 4, 8; 5, 3–5, 7; 6). Внутреннее пространство этих фигур заполняют наколы штампов, ямки или гребенчатые отпечатки. Некоторые двойные ленты оформлены по принципу шахматного поля или вложенными углами (рис. 5, 7; 6, 4, 8–9). Зигзаги могут осложняться короткими отрезками-ответвлениями (рис. 2, 1;

² По определению к.б.н. П. А. Косинцева, остатки принадлежат 13 животным, среди которых много молодых особей. Забой мог проводиться в конце лета – начале осени [15, 7].

³ Впервые керамика полымьятского типа была обособлена на поселении бронзового века Пашкин Бор I, изученного в нижнем течении р. Конды [27].

5, 5; 6, 4, 6) и поясками из ямок, которые обычно размещены в верхней части сосудов и крайне редко опускались на тулово.

Часть узоров в зоне тулова заполнена сетчатыми структурами (рис. 2, 9, 12; 5, 5, 7; 6, 8). В этой же зоне отмечены бордюры из сот (рис. 2, 16), ступенчатые фигуры (рис. 2, 6; 4, 1–2, 8), флажки, линейные одно- и многорядовые горизонтальные зигзаги (рис. 2, 10; 4, 7, 9), а также вертикальные композиции в виде колонок, зигзагов, сеток (рис. 2, 2, 9; 5, 3).

На днищах сосудов помещены фигуры в виде крестов (рис. 2, 11, 15), сеток (рис. 5, 6Б) и розеток. Орнамент на днищах ладьевидных ёмкостей подчинён их конфигурации.

27,2% сосудов имеют перфорированные стенки, указывающие на починку. На некоторых черепках сохранилась смолистая субстанция, скрывающая трещины. Обломки горшков, не подлежавших ремонту, использовались в качестве абразивов (скребков) и в литейном деле.

Керамические скрёбки встречены во всех раскопах. Однако наибольшее количество этих орудий происходит из берегового раскопа IV. Здесь собрано 10 скребков, 6 из которых принадлежат одному сосуду. Они лежали на бортах жилищной впадины раннеполымьятского жилища.

Крупные куветообразные фрагменты с характерной вспененной поверхностью могли использоваться для сбора излишков разогретого металла или помешивания расплава в тиглях (рис. 2, 6; 6, 4).

В коллекции есть фрагменты трёх инокультурных сосудов, украшенные штампом в виде скобки. Подобный декор характеризует керамику, относимую к типу вары-хадыта [4, 212, рис. 1, 7–9].

Технологическая керамика представлена матрицами (3 экз.) двух типов.

Форма первого типа (рис. 3, 16) сохранилась почти полностью. Она выполнена из хорошо отмученной, пылевидной на ощупь глины. Её основание деформировано и выгнуто наружу. Боковые стенки скошены наружу. Предмет отличается лёгкость, характерная для глины, подвергнутой высокой температуре. Судя по графической реконструкции, в форме мог отливаться слиток в виде эллипса размером $36 \times 16 \times 8$ мм.

Форма второго типа (рис. 3, 19) сохранилась на 2/3. Она изготовлена из тонкодисперсной глины, на дне и стенках полости видны следы минерального пигмента – охры. В матрице изготавливались слитки в виде равнобедренных трапеций следующего размера: ширина оснований 45 и 65 мм (?), высота 65 мм (?), толщина до 15–17 мм.

Из жилища 2 происходит обломок третьей формы открытого типа, выполненной из напеченной глины, но он очень мал, чтобы можно было судить об отливке. Судя по бортику, толщина заготовки составляла 16 мм.

Биконические грузила (4 экз.), найденные в раскопе V, имеют сильно провисающее брюшко (рис. 3, 13). Длина предметов ~80 мм, в сечении они округлые, диаметром 16,5–18,5 мм.

С жилищем 1 связан обломок бронзового двулезвийного ножа (рис. 3, 15) [14, 28–29, рис. 1, 4]. Его длина – 71 мм, максимальная ширина – 22 мм, толщина – 4 мм. На одной из плоскостей отчётливо видно ребро, правда, небольшой его участок (~5 мм) раскован в месте максимального расширения клинка. Возможно, подработка обеспечивала более надёжное крепление изделия в рукояти.

Из раскопа III происходят мелкие фрагменты раскованного медного стержня, но связь его с публикуемыми находками не очевидна. Химический состав изделия рассмотрен в специальном исследовании [14, 28, табл. 1, № 38344–38350].

Каменный инвентарь (557 ед.)⁴ распределён на изученной части поселения следующим образом: раскоп I, жилище 1 – 380 ед.; раскоп V, жилище 2 – 57; там же, жилище 3 – 58; там же, яма VIII – 62. Во всех 4 группах присутствует местное сырьё, отобранное из галечников с доминированием кварца.

В раскопе I предметы из кварца составляют 70,9% всего инвентаря. Он распадается на отходы (83,3%) и заготовки/орудия (16,7%).

Первый отдел представлен преимущественно отщепами (229 экз.), расколотыми гальками и кусками камня (23), нуклеусами и нуклевидными кусками (22), сколами с нуклеусов (30), пластинами неправильного ограничения. Лишь три пластины имеют правильное ограничение.

⁴ С памятника происходит большое количество предметов из кварца, но соотнести их с поздним полымьятским поселением достаточно сложно. Это обусловлено перестройками сооружений в пределах ранних жилищных впадин и популярностью данного сырья у аборигенов в мезолите – бронзовом веке.

Они выполнены из серого кремня, и не исключена их связь с мезолитическими объектами.

Орудия разделены на две большие группы: предметы на отщепках и изделия на гальках, плитках и кусках камня. На отщепках выполнены скрёбки, скобели, острие, наконечник стрелы, на прочих заготовках – шлифованные топоры, тесла, абразивный инструмент, пест, дисковидное орудие и грузило. Из отщепов и кусков камня изготовлены орудия типа *pieces ecaillees*. Часть изделий из кварца настолько невыразительна (скобель, острие), что нет необходимости рассматривать их в отдельности.

Скрёбки (10 экз.) изготовлены из кварца. Общая их форма подчинена конфигурации заготовок. Вторичная обработка заключалась в ретушировании рабочей кромки, но оно применялось крайне редко. Расположение лезвий выдают заглаженности, заломы и выкрошенности кромок.

Долотовидные орудия включают изделия типа *pieces ecaillees* и шлифованные предметы (17 экз.).

Подавляющее большинство первых (всего 10 экз.) – на кварцевых отщепках и кусках. Они подчетырёхугольной формы, снабжены 1–2 лезвиями в узкой части орудий. Рабочие кромки у наиболее выразительных предметов оформлены уплощающими сколами и несут следы забитостей, размеры от 16 × 19 до 60 × 60 мм. В этой категории преобладают мелкие орудия на отщепках.

Шлифованные изделия (7 экз.) изготовлены из сланцевых пород камня. Они имеют подтрапециевидную форму и часто прямые лезвие и обушок, в поперечном сечении – четырёхугольные (45 × 36 × 11 мм и 52 × 38 × 17 мм). Одно массивное изделие имеет подтреугольную форму, в сечении – округлое, размеры без учёта сломанного лезвия – 157 × 70 × 43 мм.

Наконечник стрелы изготовлен из кремня низкого качества. Он имеет листовидную форму, прямой насад, по обеим плоскостям обработан ретушью (21 × 10 × 4 мм).

Каменный диск из плитки мелкозернистой породы. По периметру фиксируются следы многочисленных скалываний. Одно из возможных назначений данных предметов – использование в качестве скребел.

Грузило из плитки подквадратой формы, на противоположных кромках которой фиксируются выемки.

Из числа *абразивов* обращает на себя внимание валун, лежавший почти в центре жилища 1. На одной из его сторон отмечено характерное кюветообразное углубление, выработанное в процессе шлифовки.

В жилище 2 (р. V) предметы из кварца составляют 38,5% от общего количества инвентаря. Отдел отходов и заготовок включает главным образом расколотую гальку и куски камня (14 экз.), отщепы (10) и аморфные сколы с нуклеусов (8). На отщепках, исключительно кремнёвых, изготовлены скрёбки, скобели, острия, наконечники стрел, на плитках и кусках камня – долотовидные орудия и шлифовальники.

Для *скребков* были использованы мелкие отщепы (4 экз.) и отщепы пластинчатых форм (3) (рис. 3, 2, 5–6, 9). У первых форма не выражена, лезвие прямое или округлое, оформленное притупляющей ретушью со спинки. Скрёбки на пластинчатых отщепках имеют ретушь на боковых гранях. На двух предметах она нанесена со спинки. Один экземпляр имеет подпрямоугольную форму, обработан встречной плоской ретушью по одной грани и плоской ретушью с брюшка по второй грани и торцу (рис. 3, 9).

Острия (3 экз.). У двух орудий фиксируются характерные «плечики». Один предмет обработан противоположающей плоской ретушью по двум граням; лезвие другого оформлено круговой ретушью, нанесённой со спинки отщепки (рис. 3, 7); третий определён как проколка, имеет мелкую ретушь с брюшка (рис. 3, 8).

Наконечники стрел представлены двумя целыми экземплярами (рис. 3, 3–4) и заготовкой. Они имеют листовидную форму, выемку в усечённом основании и выступающие жальца. При переходе от тулова к острию имеется расширение. Наконечники обработаны двусторонней ретушью, их размеры – 75 × 13 × 4 мм и 50 × 12 × 6 мм. Заготовка имеет подпрямоугольную форму, обработана двусторонней ретушью (35 × 17 × 5 мм).

Группа *долотовидных орудий* включает два изделия. Одно (рис. 3, 12) – стамеска из светло-зелёного сланца подчетырёхугольной формы с пришлифованными боковыми гранями, лезвие округлое, слегка асимметричное, со стороны обушка предмет обработан сколами (34 × 27 × 8 мм). Другое изделие (рис. 3, 14) – миниатюрная стамеска из чёрного сланца. В поперечном сечении она 5-угольной формы, на узком лезвии следы выкрошенности. Длина предмета 40 мм, в сечении 5 мм. Возможно, это имитация 5-тигранного металлического орудия.

В жилище 3 (раскоп V) к кварцевому комплексу относятся 89,7% находок. Отдел отходов и заготовок включает преимущественно расколотые гальки и куски камня (23 экз.), аморфные сколы с нуклеусов (19) и отщепы (9). Изделия из камня представлены наконечником стрелы, двумя дисками и заготовкой подвески. К числу орудий относятся также три ретушированных отщепов.

Наконечник стрелы (рис. 3, 1) выполнен из некачественного кремня, имеет листовидную форму, усечённое основание с выемкой (21 × 10 × 4 мм).

Диски изготовлены из плиток мелкозернистой породы камня. Они обработаны по всему или по части периметра сколами. Один диск мог использоваться в качестве груза для сети, другой, судя по сработанности, – в качестве скребла по шкуре.

Заготовка подвески из плитки светло-зелёного сланца (60 × 43 × 5 мм). На одном из торцов есть шлифовка, а на широкой плоскости намеченное сверление.

В яме VIII (раскоп V) наряду с многочисленными фаунистическими остатками содержался комплекс каменных предметов (62 экз.). Находки из кварца составляют 64,5% всего инвентаря. Отходы и заготовки абсолютно преобладают над орудиями (соотв. 56 и 6 ед.). Первые включают много отщепов (29), расколотых галек и кусков камня (21), единично встречены нуклевидные куски (2) и аморфные сколы (4). Орудия представлены скребком, двумя орудиями типа *pieces ecaillées*, пестом, каменным диском и наковаленкой. Большая часть этих предметов имеет полные аналоги с орудиями из рассмотренных комплексов.

К рассмотренному комплексу можно отнести также два песта из слоистой зеленокаменной породы (рис. 3, 17–18).

Результаты (датировка поселения и аналоги вещевому материалу)

Датировка раскопанного поселения определяется по стратиграфическим ситуациям, облику найденной керамики, изделий из камня и металла, имеющих соответствия в культурах и памятниках сопредельных территорий, а также по ¹⁴C данным.

В раскопах III–IV изученного памятника прослежено разрушение котлованов ранних полымьятских построек ямами с поздней

полымьятской керамикой [9, 79]. Другой важный стратиграфический факт установлен на могильнике Сатыга XVI, относящемуся к бронзовому веку. Здесь удалось проследить хронологический приоритет единственного на могильнике погребения 11 с полымьятским сосудом по отношению погребению 9, в котором лежал горшок варпаульского типа [8; 16, 135–136]. Приведённые данные конкретизируют время существования поздних полымьятских поселений. Они сменяют ранние полымьятские комплексы, но предшествуют древностям варпаульского типа (могильник Сатыга XVI, культовый комплекс Сайгатино VI, поселение Ленино I), в которых присутствуют вещи сейминского и андроновского облика [10, 25–26; 17, 45].

Стратиграфические наблюдения согласуются с обликом найденных вещей, которые имеют хорошие параллели на сопредельных территориях.

Своеобразный хрономаркер поздних полымьятских коллекций – сосуды, сформованные на шаблонах в виде опрокинутых горшков. Эта технология, очень популярная у южноуральского населения, оставившего объекты синташтинской культуры [29, 121], была воспринята рыбаками и охотниками севера Западной Сибири [10, 26]. Примечательно, что подобная лепка не отмечена на Конде ни в предшествующее, ни в последующее время. С другой стороны, принимая во внимание декор – специфические бордюры, построенные на основе рассечённых сеток с ячейками в виде шестиугольников (т.н. сотовый орнамент) и ромбов, а также распространение зигзагов с ответвлениями из углов, кондинские материалы можно синхронизировать с другими комплексами, относящимися к доандроновскому периоду бронзового века. Речь идёт о древностях кульганского типа Сургутского Приобья и Пур-Надымского междуречья [22, 18, рис. 4, 1–5, 7; 25, 199–201, ил. 15, 1, 3–5; 22, 2; 3, 65, рис. 9, 3–6; 14, 1, 4, 8 и др.], поздних сартыньинских поселениях Нижней Оби и Северной Сосьвы [5, 45–53, рис. 4, 1, 4–5; 6а–в] и арктических памятниках типа вары-хадыта [4, 212–214, рис. 1; 23, 233, рис. 1 и др.]. По наличию ладьевидных сосудов и специфических ленточных узоров поздняя полымьятская керамика обнаруживает сходство с коллекцией стоянки Синегорье I, расположенной на р. Цильма в Северном Приуралье [7, рис. 9, 4–7; 14, 6–8].

Рыболовные грузила из керамики также пригодны для выяснения относительного возраста изученного памятника. В морфологическом отношении они ближе изделиям, распространённым на ранних этапах бронзового века Западной Сибири, для которых характерна стержневидная форма [21, рис. 10, 6–10]. В андроновское и постандроновское время керамические утяжелители для сетей принимают подпрямоугольную или овальную форму и снабжаются 1–2 перехватами [21, рис. 50, 1–9, 13–14, 16–19].

Малое количество морфологически выраженных орудий из качественных пород камня и доминирование кварцевого сырья затрудняют датирование по данной категории находок. В этом отношении коллекция Геологического III сближается с другими собраниями полымьятских памятников Верхней Конды [1, 74–84; 18, 41–52]. Говоря о наконечниках стрел листовидной формы, расширяющихся в средней части при переходе от тела к острию, с жальцами и выемкой в основании, отметим, что они известны за пределами р. Конды, в горно-лесной зоне Урала и в Приуралье. П. А. Дмитриев отнёс их к северному типу [6, 42, рис. 1, 17], хотя Ю. Б. Сериков видит в них разновидность кремнёвой пластики [26, 71, рис. 1, 6]. Сходные изделия укороченных пропорций присутствуют в слоях гаринско-борской, чойновтинской культур [28, табл. 13, 49] и в коршаковских комплексах [28, табл. 50, 15]. В широком хронологическом диапазоне (досейминское–сейминское время) применялись и наконечники с прямоугольным телом и прямым основанием [10, рис. 6, 7; 7, 5].

Матрицы для производства слитков заданной формы также указывают на досейминский возраст раскопанного поселения. Ранее отмечалось, что подобные вещи известны на археологических памятниках Урала, бассейна р. Конды, в нижнем течении Оби [11, 125, 127, рис. 3, 1–3]. Они демонстрируют сохранение архаичных технологий Циркумпонтийской металлургической провинции, которых придерживалось местное население, поскольку обитатели Нижней Конды в то же время ориентировались на более совершенные методы литья в закрытые формы с использованием сердечников [17, 42].

Аналоги бронзовому ножу по морфологии и химическому составу уже рассматривались, поэтому нет необходимости повторяться. Это может быть южный импорт, связанный с синташтинской или петровской культурами [14, 29–31].

Радиоуглеродная дата, полученная по костям северного оленя из ямы VIII – 3510 ± 110 BP (Le-8039), позволяет отнести поселение к 1980–1690 (68.2%) или 2150–1500 (95.4%) гг. до н.э., что подтверждает вывод о досейминском возрасте публикуемых материалов.

Обсуждение и заключения

Расположение памятника в истоках магистральной р. Конды, незначительный культурный слой, заполняющий котлованы, и большое количество находок за пределами жилищ дают основания для включения изученного посёлка в число промысловых лагерей, который функционировал в тёплое время года. Добыча животных подтверждается костями северного оленя, найденными в яме VIII. Массовый и одновременный забой зверя могла осуществить группа охотников, которая, более чем вероятно, использовала системы из ловчих ям и загородок. Именно здесь, на водоразделе рр. Конды и Северной Сосьвы, были раскопаны самые первые в Западной Сибири сооружения подобного рода [12, 162–165, рис. 2–3].

Полученные материалы показывают, что на поселении одновременно функционировали одно- или два жилища (например, жилища 2–3 в раскопе V, в которых найдены обломки от одних сосудов). Кроме основной промысловой деятельности обитатели поселения находили время для добычи и обработки галечникового сырья, а также литья металлических предметов. Благодаря многоступенчатому обмену, древние сибиряки получали ценный металл уральского и даже среднеазиатского происхождения, а также перенимали несложные технологии литья металла и производства керамической посуды.

Вместе с тем, наличие среди бытовой керамики ладьевидных ёмкостей, декор в виде «сотовых» фигур, импорта в виде посуды арктического типа вары-хадыта и активное использование галечникового сырья в производстве каменных орудий придают локальное своеобразие поздним полымьятским комплексам Затуманной Конды на фоне синхронных нижнекондинских древностей [27, 161–174; 20, 63–66, рис. 6]. Облик вещевого материала отражает сильное влияние северных популяций, оставивших сартыньинскую культуру Нижнего Приобья и арктические памятники типа вары-хадыта. Не исключено, что богатые промысловые угодья верховьев Конды привлекали северян, преодолевавших водоразделы Северососьвинской возвышенности.

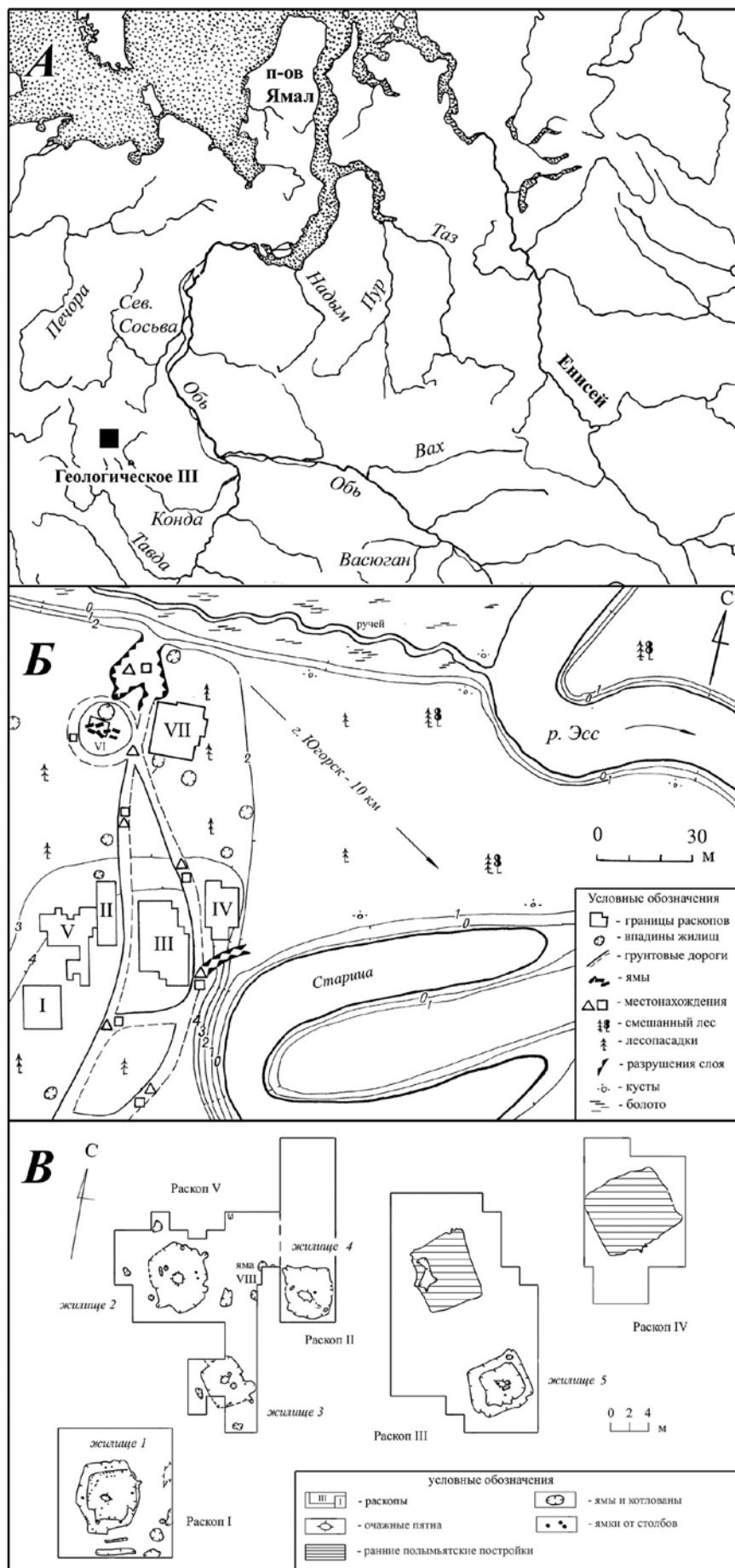

Рис. 1. Расположение поселения Геологическое III в Западной Сибири (А); план поселения и раскопов (Б); ранние и поздние полымятские постройки (В).

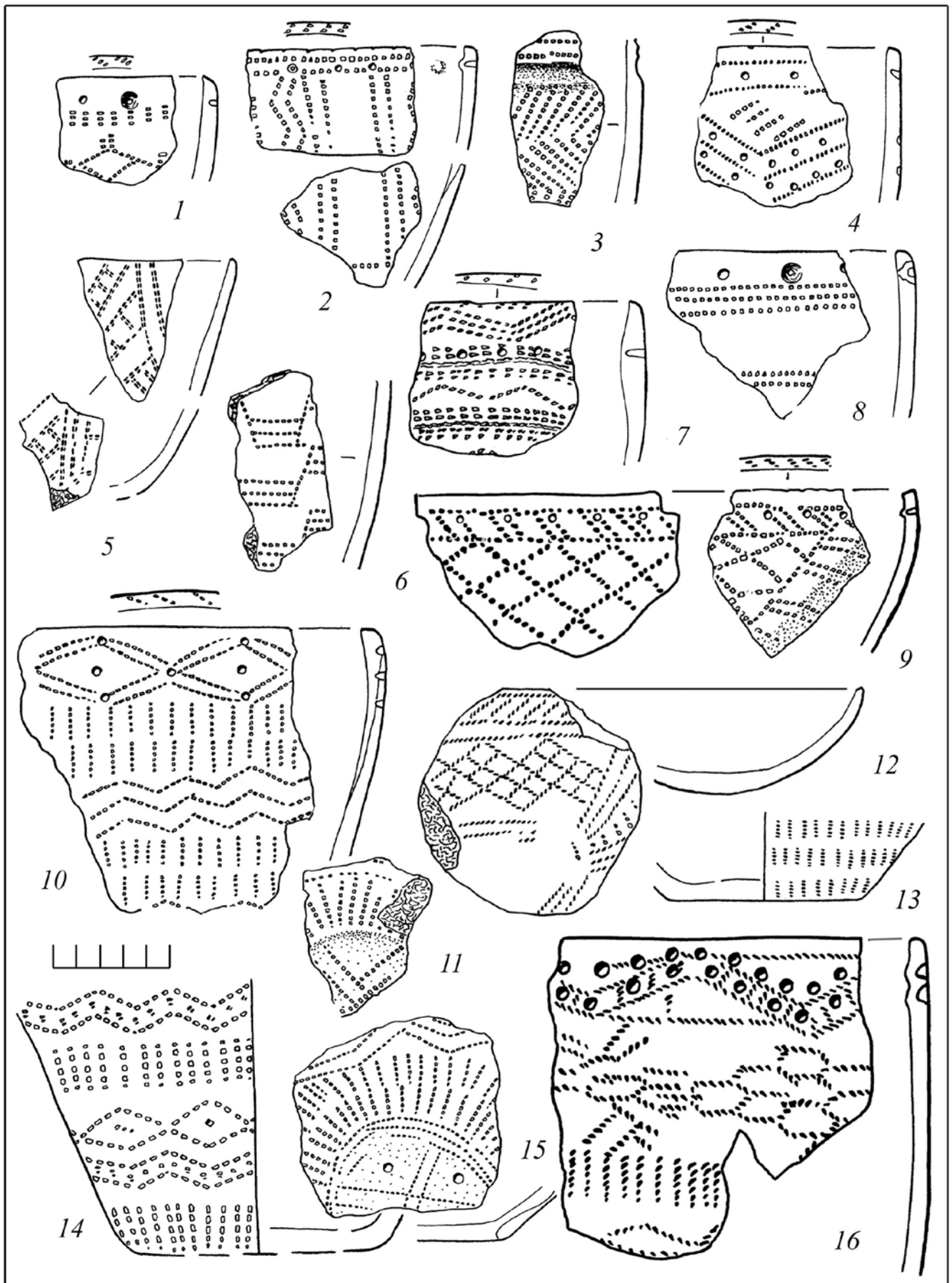

Рис. 2. Поздняя полымьятская керамика из раскопов I-II.

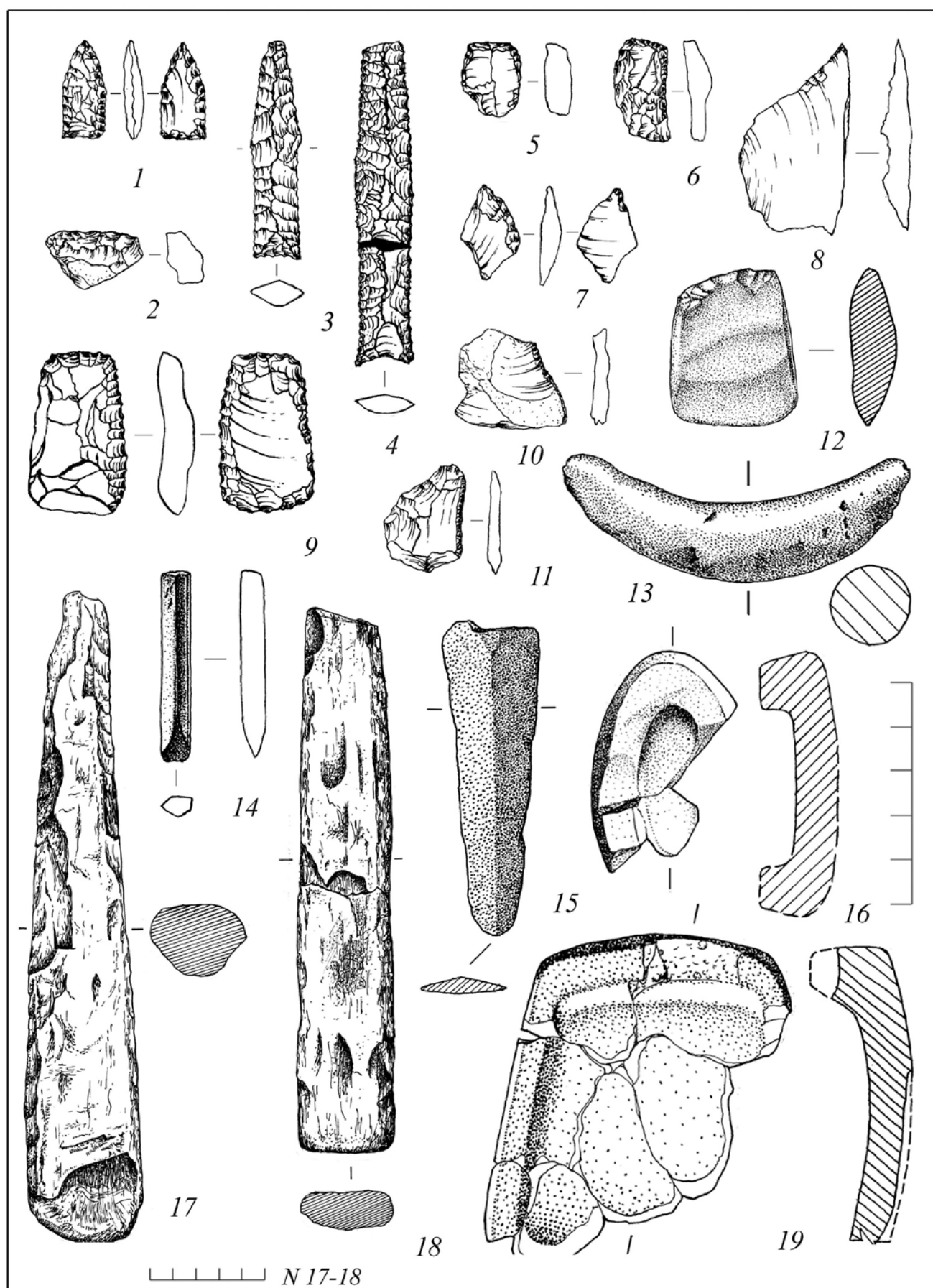

Рис. 3. Вещевой инвентарь бронзового века: 1-12, 14, 17-18 - камень; 13, 16, 19 - глина; 15 - бронза

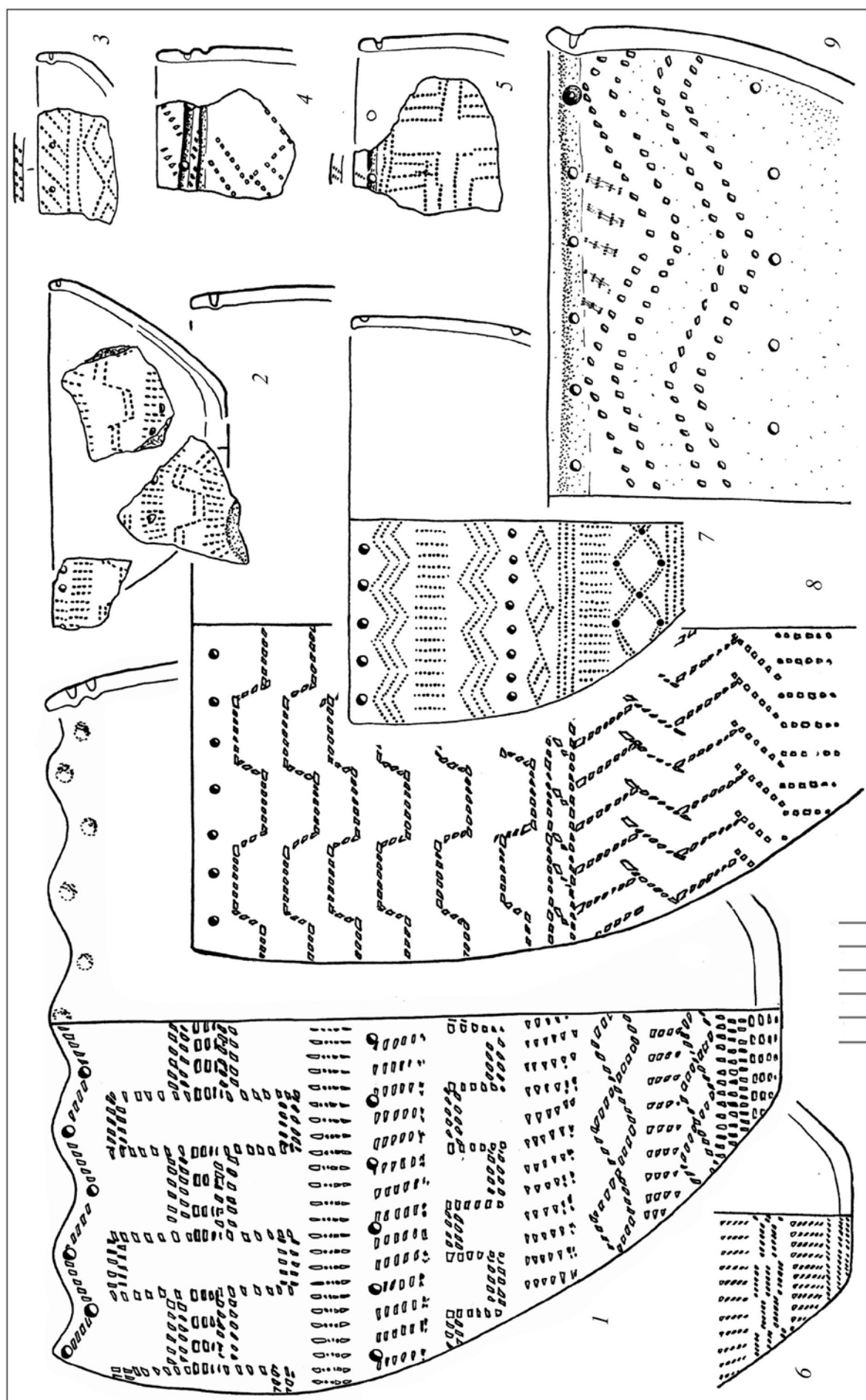

Рис. 4. Графические реконструкции поздней полымьятской керамики из раскопа III.

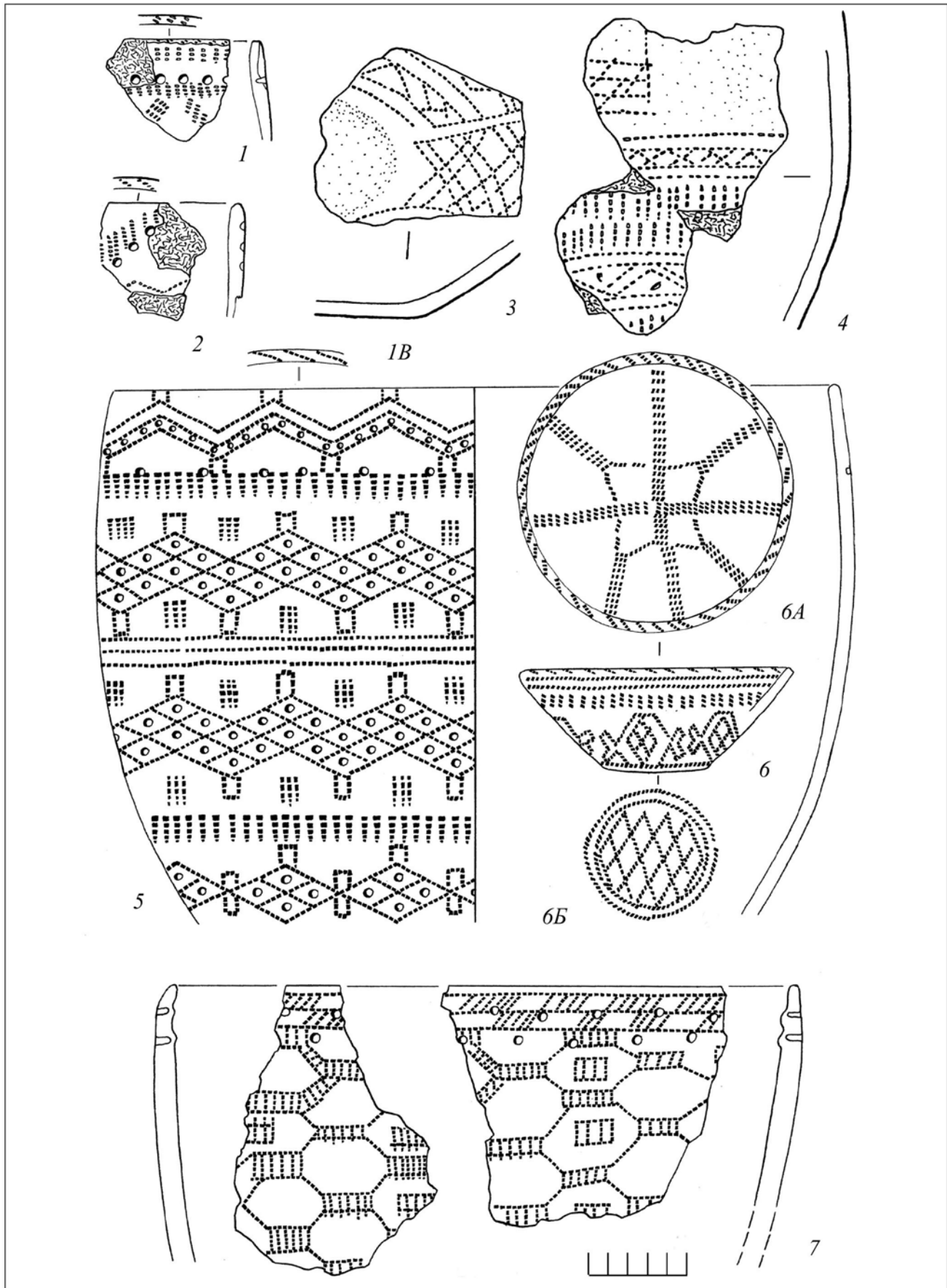

Рис. 5. Поздняя полымьятская керамика из раскопа V.

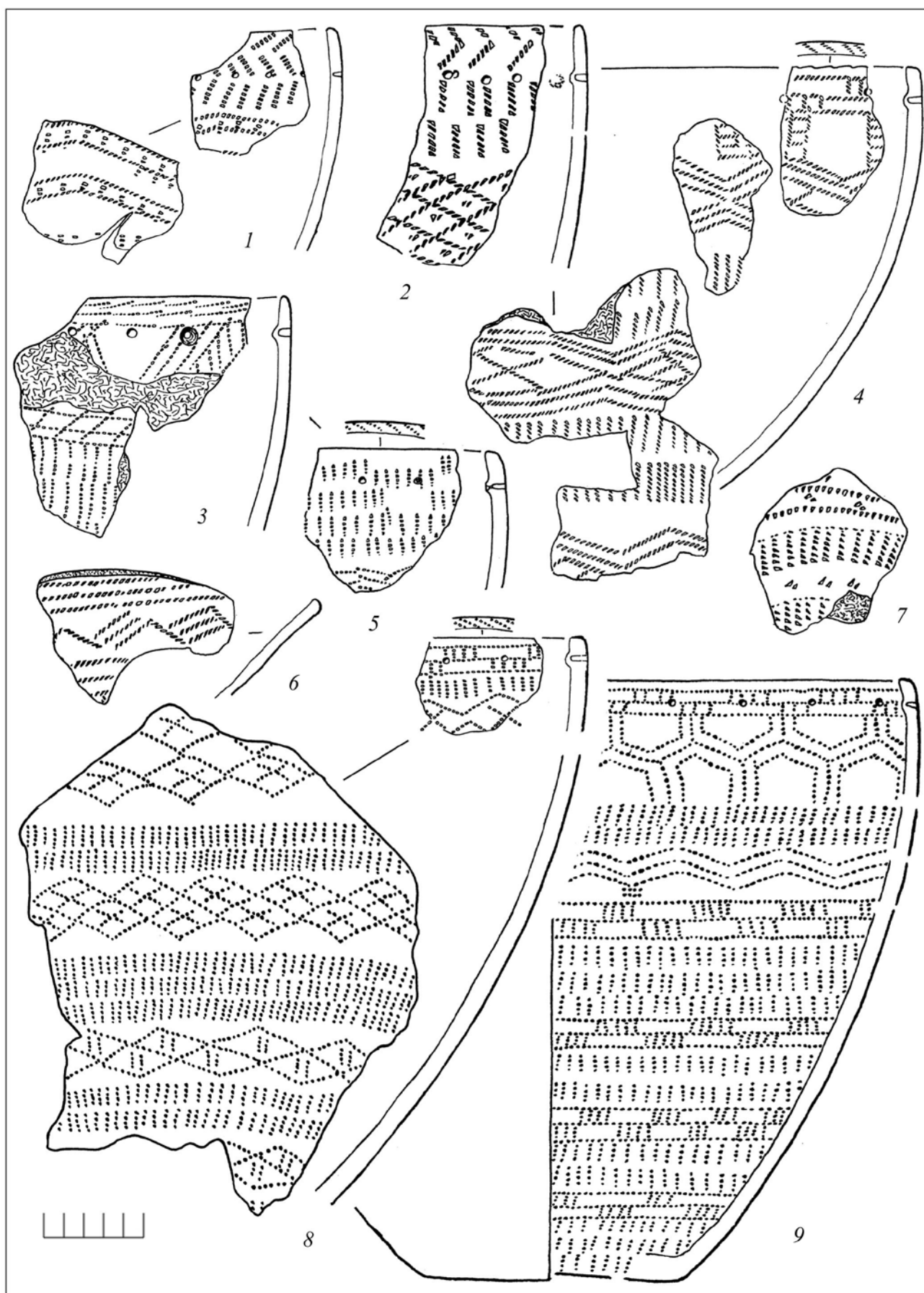

Рис. 6. Поздняя полымьятская керамика из раскопа V.

Список источников и литературы

1. Алексашенко Н. А., Кокшаров С. Ф. Комплекс бронзового века поселения Геологическое VII // Седьмые Берсовские чтения: материалы всероссийской археологической конференции. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 74–84.
2. Беспрозванный Е. М. Мезолит таёжной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. С. 26–38.
3. Борзунов В. А., Стефанов В. И., Глушков И. Г. Быстрый Кульёган-38 – укрепленное жилище эпохи бронзы в Сургутском Приобье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 55–69.
4. Васильев Е. А. Культура вары-хадыта и проблемы культурогенеза Северо-Западной Сибири // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород: ОАО «Новгородский технопарк», 2011. Т. I. С. 212–214.
5. Васильев Е. А. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. С. 40–62.
6. Дмитриев П. А. Шигирская культура на восточном склоне Урала // МИА. 1951. № 21. С. 28–93.
7. Зеленский В. С. Памятник эпохи бронзы Синегорье I на Цильме // Материалы по археологии европейского Северо-Востока. 2015. Вып. XIX. С. 39–52.
8. Кокшаров С. Ф. Использование шаблона в керамическом производстве (по материалам бронзового века Урала и Севера Сибири) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, Вып. 5: Археология и этнография. С. 175–182.
9. Кокшаров С. Ф. Керамика полымьятского типа поселения Геологическое III (материалы раскопа IV) // Шестые Берсовские чтения: сб. ст. Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. С. 75–90.
10. Кокшаров С. Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 48 с.
11. Кокшаров С. Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 122–130.
12. Кокшаров С. Ф. Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье [Ред. Л. Н. Корякова]. Екатеринбург: УИФ Наука, 1993. С. 162–169.
13. Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Волот, 2009. 272 с.
14. Кокшаров С. Ф. Первый металл Конды // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 27–42.
15. Кокшаров С. Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите – бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 3–17.
16. Кокшаров С. Ф. Факты, комментарии, интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 133–149.
17. Кокшаров С. Ф., Баранов М. Ю. Следы металлопроизводства бронзового века с поселения Балинское 1 // Российская археология. 2017. № 2. С. 39–54.
18. Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Каменный инвентарь бронзового века на поселении Геологическое XVI // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып. 1 (36). С. 41–52.
19. Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мезолитическое поселение на Затуманной Конде // Российская археология. 2000. № 4. С. 109–127.
20. Кокшаров С. Ф., Стефанова Н. К. Поселение Волвонча I на Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1993. С. 54–67.
21. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
22. Косинская Л. Л. Археологические памятники бассейна р. Пур (итоги исследований 1990–1998 гг.) // Научный вестник. Вып. 3. Археология и этнология. Материалы научно-исследовательской конференции по итогам полевых исследований 1999 г. Салехард: Красный Север, 2000. Вып. 3. С. 13–23.
23. Кудрич О. С. Север Западной Сибири: новые источники по энеолиту-раннему бронзовому веку низовий Оби // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород: ОАО «Новгородский технопарк», 2011. Т. I. С. 233–234.

24. Морозов В. М. Отчёт об изучении памятников по трассе газопровода «Уренгой-Ужгород» в Октябрьском и Советском районах Тюменской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11429.
25. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) / Борзун В. А., Бельтикова Г. В., Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. // ХМАО в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 184–220.
26. Сериков Ю. Б. Неординарные и малоизвестные находки с памятников Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. Вып. 6. С. 67–75.
27. Стефанова Н. К., Кокшаров С. Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // СА. 1988. № 3. С. 161–174.
28. Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.
29. Ткачёв В. В., Хаванский А. И. Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара: Изд-во ОГТИ, 2006. 180 с.
30. Чемякин Ю. П. Кульминский комплекс на поселении Геологическое III // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф., Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 208–213.

Список иллюстраций

- Рис. 1. Расположение поселения Геологическое III в Западной Сибири (А); план поселения и раскопов (Б); ранние и поздние полымьятские постройки.
- Рис. 2. Поздняя полымьятская керамика из раскопов I–II.
- Рис. 3. Вещевой инвентарь бронзового века: 1–12, 14, 17–18 – камень; 13, 16, 19 – глина; 15 – бронза.
- Рис. 4. Графические реконструкции поздней полымьятской керамики из раскопа III.
- Рис. 5. Поздняя полымьятская керамика из раскопа III.
- Рис. 6. Поздняя полымьятская керамика из раскопа V.

References

1. Aleksashenko N. A., Koksharov S. F. *Kompleks bronzovogo veka poseleniya Geologicheskoe VII* [Complex of the Bronze Age of the settlement Geologicheskoe VI]. *Sed'mye Bersovskie chteniya: sbornik statey Vserossiyskoy archeologicheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [7th Beryozovsky Readings: collection of articles of the all-Russian archeological scientific and practical conference]. Ekaterinburg: Kvadrat Publ., 2016, pp. 74–84. (In Russian)
2. Besprozvannyi E. M. *Mezolit taezhnoy zony Zapadnoy Sibiri (predvaritel'noe soobshenie)* [Mesolithic of the taiga zone of Western Siberia (preliminary report)]. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale* [Security archaeological research in the Middle Urals]. Ekaterinburg: Izd-vo «Ekaterinburg» Publ., 1997, pp. 26–38. (In Russian)
3. Borzunov V. A., Stefanov V. I., Glushkov I. G. *Bystry Kulyegan-38 – ukreplennoe zhilishe epokhi bronzy v Surgutskom Priob'e* [Bystry Kulyegan-38 – the fortified dwelling of the Bronze Age in the Surgut Ob basin]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2011, no. 2, pp. 100–113. (In Russian)
4. Vasilyev E. A. *Kul'tura vary-khadyta i problemy kul'turogeneza Severo-Zapadnoy Sibiri* [The Vary-Khadyta Culture and problems of the cultural genesis of the North-Western Siberia]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda* [Materials of the III (XIX) All-Russian archeological congress]. Saint-Petersburg: Moscow; Veliky Novgorod: Novgorodskiy tekhnopark Publ., 2011. vol. 1. pp. 212–214. (In Russian)
5. Vasilyev E. A. *Khronologiya i kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov epokhi rannego metalla v basseine Severnoi Sos'vy* [Chronology and the cultural identity of the Early Metal Epoch sites at the North Sosva River basin]. *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoi Sibiri* [Ethnic-cultural processes in Western Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1983. pp. 40–62. (In Russian)
6. Dmitriev P. A. *Shigirskaya kul'tura na vostochnom sklone Urala* [The Shigir Culture in the Trans-Urals]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR], 1951, no. 21, pp. 28–93. (In Russian)
7. Zelenskiy V. S. *Pamyatnik epokhi bronzy Sinigor'e I na Tsil'me* [The site of the Bronze Age Sinegorye I on Tsilma River]. *Materialy po arkheologii evropeiskogo Severo-Vostoka* [Materials on the archeology of the European Northwest], 2015, no. 19, pp. 39–52. (In Russian)

8. Koksharov S. F. *Ispol'zovanie shablona v keramicheskom proizvodstve (po materialam bronzovogo veka Urala i severa Sibiri)* [The use of a template in pottery (on materials of the Bronze Age of the Urals and Northern Siberia)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology], 2011, vol. 10, iss. 5: *Arkheologiya i etnografiya* [Archaeology and Ethnography], pp. 175–182. (In Russian)
9. Koksharov S. F. *Keramika polymyatskogo tipa poseleniya Geologicheskoe III (materialy raskopa IV)* [Polymyat type ceramics from the settlement Geologicheskoe III (materials of excavation IV)]. *Shestye Bersovskie chteniya: sbornik statey Vserossiyskoy archeologicheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [6th Bersovsky Readings: collection of articles of the all-Russian scientific and practical conference]. Ekaterinburg; Surgut: Kvadrat Publ., 2011, pp. 75–90. (In Russian).
10. Koksharov S. F. *Kul'tura naseleniya severa Zapadnoi Sibiri v bronzovom veke: avtoref. diss. dokt. ist. nauk* [Culture of population of the North of Western Siberia in the Bronze Age]. Ekaterinburg, 2015. 48 p. (In Russian)
11. Koksharov S. F. *Metalloobrabatyvayushiy kompleks doseiminskogo vremeni so Sredney Kondy* [Metalworking complex of pre-Seima time in the Middle Konda]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Uralic Historical Bulletin], 2011, no. 1 (30), pp. 122–130. (In Russian)
12. Koksharov S. F. *Okhotnichiy yamy-lovushki na severo-zapade Sibiri* [Hole traps of hunters in the North-West of Siberia]. *Znaniya i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekovye* [Knowledge and sciences of the Uralic population in ancient time and in the Middle Ages]. Ekaterinburg: UIF Nauka Publ., 1993, pp. 162–169. (In Russian).
13. Koksharov S. F. *Pamyatniki eneolita severa Zapadnoy Sibiri* [Eneolithic sites of the North of Western Siberia]. Ekaterinburg: Volot Publ., 2009. 272 p. (In Russian)
14. Koksharov S. F. *Pervyi metall Kondy* [The first metal of the Konda River]. *Vestnik arkheologii, antropologii i ietnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2012, no. 2 (21), pp. 27–42. (In Russian)
15. Koksharov S. F. *Sotsial'no-ekonomicheskaya model kondinskogo obshestva v pozdnem eneolite – bronzovom veke* [The social-economic model of the Konda River population in the Late Eneolithic – the Bronze Age]. *Model v kul'turologii Sibiri i Severa* [Model in the culturology of Siberia and the North]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 1992. pp. 3–17. (In Russian)
16. Koksharov S. F. *Fakty, kommentarii, interpretatsii* [Facts, commentaries and interpretations]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2013, no. 2 (21), pp. 133–149. (In Russian)
17. Koksharov S. F. *Sledy metalloproizvodstva bronzovogo veka s poseleniya Balinskoe I* [Traces of the Bronze Age metalworking at the settlement Balinskoe I]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2017, no. 2, pp. 13–28. (In Russian)
18. Koksharov S. F., Pogodin A. A. *Kamennyy inventar' bronzovogo veka na poselenii Geologicheskoe XVI* [Stone tools of the Bronze Age at the settlement Geologicheskoe XVI]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Perm University. History], 2017, no. 1 (36), pp. 41–52. (In Russian)
19. Koksharov S. F., Pogodin A. A. *Mezoliticheskoe poselenie na Zatumannoy Konde* [Mesolithic settlement on the Zatumannaya Konda River]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2000, no. 4, pp. 109–127. (In Russian)
20. Koksharov S. F., Stefanova N. K. *Poselenie Volvoncha I na reke Konde* [The settlement Volvoncha I on the Konda River]. *Pamyatniki drevney kul'tury Urala i Zapadnoy Sibiri* [Sites of ancient culture of the Urals and Western Siberia]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta Publ., 1993, pp. 54–67. (In Russian)
21. Kosarev M. F. *Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri* [The Bronze Age of Western Siberia]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 278 p. (In Russian)
22. Kosinskaya L. L. *Arkheologicheskie pamyatniki basseyna reki Pur (itogi issledovaniy 1990–1998 gg.)* [Archaeological sites of the Pur River basin (results of researches of 1990–1998)]. *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. Vyp. 3. Arkheologiya i etnologiya: materialy nauchno-issledovatel'skoy konferentsii po itogam polevykh issledovaniy (1999 g.)* [Scientific Bulletin of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. Vol. 3. Archaeology and Ethnology: materials of the scientific and practical conference according to results of the fieldworks (1999)]. Salekhard: Krasnyy Sever Publ., 2000. pp. 13–23. (In Russian)
23. Kudrich O. S. *Sever Zapadnoy Sibiri: novye istochniki po eneolitu-rannemu bronzovomu veku nizoviy Obi* [The North of Western Siberia: new sources on the Early Metal Age of the Low Ob River]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda* [Materials of the III (XIX) All-Russian archeological congress].

Saint-Petersburg; Moscow; Veliky Novgorod: Novgorodskiy tekhnopark Publ., 2011, vol. 1, pp. 233–234. (In Russian)

24. Morozov V. M. *Otchet ob izuchenii pamyatnikov po trasse gazoprovoda «Urengoi – Uzhgorod» v Oktyabr'skom i Sovetskom raionakh Tyumenskoi oblasti v 1986 godu. T. 1.* [Report on the researches of the sites along the gas pipeline «Urengoy – Uzhgorod» in Oktyabrsky and Sovetsky Districts of Tyumen Oblast in 1986. Vol. 1]. *Arkhir IA RAN* [Archive of the Institute of Archeology of the RAS]. R-1. no. 11429 (in Russian)

25. Borzunov V. A., Beltikova G. V., Kosinskaya L. L., Dubovtseva E. N., Yudina E. A. *Raskopki poseleniya Barsova Gora II/22 v okrestnostyakh Surguta (itogi rabot 2007–2008 gg.)* [Excavations of the Barsova Gora II/22 settlement in the surroundings of Surgut (results of fieldwork of 2007–2008)]. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in a mirror of the past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Izd-vo Tom. gos. un-ta Publ., 2010, pp. 184–220. (In Russian)

26. Serikov Yu. B. *Neordinarnye i maloizvestnye nakhodki s pamyatnikov Gorbunovskogo torfyanika* [Unexpected and unknown findings from the sites of Gobunovsky peatland]. *Drevnosti Gorbunovskogo torfyanika. Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale* [Artifacts of the Gobunovsky peatland. Protection archaeological researches in the Middle Ural]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2010, no. 6, pp. 67–75. (In Russian)

27. Stefanova N. K., Koksharov S. F. *Poselenie bronzovogo veka na reke Konde* [The settlement of the Bronze Age on the Konda River]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 1988, no. 3, pp. 161–174. (In Russian)

28. Stokolos V. S. *Kul'tury jepohi rannego metalla Severnogo Priural'ja* [The Early Metal Age cultures of the North Trans Urals]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 256 p. (In Russian)

29. Tkachev V. V., Khavanskiy A. I. *Keramika sintashtinskoy kul'tury* [Ceramics of the Sintashta Culture]. Orsk; Samara: Izd-vo OGTI Publ., 2006. 180 p. (In Russian)

30. Chemyakin Yu. P. *Kul'minskiy kompleks na poselenii Geologicheskoe III* [Kulmino complex at the settlement Geologicheskoe III]. *XVII Ural'skoe archeologicheskoe soveshchanie: materialy nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 19–22 noyabrya 2007 g.* [17th Ural Archaeological Meeting: materials of the scientific conference, Ekaterinburg, 19–22 November 2007]. Ekaterinburg; Surgut: Magellan Publ., 2007, pp. 208–213. (In Russian)

List of illustrations

Fig. 1. Location of the settlement Geologicheskoye III in West Siberia (A); plan of settlement and excavations (B); early and late Polymyat buildings.

Fig. 2. Late Polymyat ceramics from the excavations I–II.

Fig. 3. Inventory of things of the Bronze Age: 1–12, 14, 17–18 – stone; 13, 16, 19 – clay; 15 – bronze.

Fig. 4. Graphic reconstruction of the Late Polymyat ceramics from the excavation III.

Fig. 5. Late Polymyat ceramics from the excavation III.

Fig. 6. Late Polymyat ceramics from the excavation V.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кокшаров Сергей Фёдорович, доцент, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (620990, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16), доктор исторических наук.

serg.koksharov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5948-1732

ABOUT THE AUTHOR:

Koksharov Sergey Fyodorovich, Associate Professor, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620990, Russian Federation, Ekaterinburg, Sofya Kovalevskaya st., 16), Doctor of Historical Sciences.

serg.koksharov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5948-1732